

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

Кристина Старк

#КРЫЛЬЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С77

С77 **Старк, К.**

Крылья: роман / Кристина Старк. — М.: Издательство АСТ, 2016. — 480 с.

ISBN 978-5-17-093653-3

Семнадцатилетняя Лика Вернер после покушения на ее жизнь обнаруживает, что в состоянии стресса может ненадолго перемещаться в тела других людей. Лика уверена, что сходит с ума, пока не встречает человека, который подозрительно хорошо осведомлен о такого рода «симптомах».

Захватывающий роман о любви на фоне восхитительных декораций: альпийские предгорья, мегаполисы Европы, улочки крымских городков, пейзажи Тибета и Саудовской Аравии. Роскошная жизнь швейцарской аристократии, тайные организации, закрытые школы, эксперименты над человеческой психикой, чувства, которым невозможно противостоять.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093653-3

© К. Старк, 2016
© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Руслане и Каролине, моим чудесным дочерям.
Пусть в вашей жизни будет все, но в первую
очередь тот, кто подарит вам крылья.*

ЧАСТЬ I

INFRAGILIS ET TENERA¹

*My body is a cage that keeps me
From dancing with the one I love
But my mind holds the key²*

— Sara Lov, «My Body Is a Cage»

— Если бы мы с вами были птицы, — как
бы мы взвились, как бы полетели... Так бы
и утонули в этой синеве... Но мы не птицы.
— А крылья могут у нас вырасти, — воз-
разил я.
— Как?

— Поживите — узнаете. Есть чувства,
которые поднимают нас от земли. Не бес-
покойтесь, у вас будут крылья.

— И. С. Тургенев, «Ася»

¹ Infragilis et tenera (лат.) — «несокрушимая и нежная», — здесь и далее прим. автора.

² Мое тело — клетка, не позволяющая мне
Танцевать с тем, кого я люблю.
Но мой разум держит ключ (англ.).

1. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ

Не нервничать, не испытывать боль, страх и стресс, — каждое мое утро начинается с этой мантры. Вещью номер один в моей жизни стал пузырек с успокоительным. Я уже почти привыкла к своей болезни.

Меня зовут Лика. Мне семнадцать. И я до сих пор помню тот день, когда меня в первый раз «выбросило»...

* * *

Лето 2011 выдалось на редкость жарким. Мой город превратился в филиал ада на Земле: едкий раскаленный воздух, сочащийся смолой асфальт, красные люди с обгоревшими лицами. Машины и те, казалось, ползали по улицам медленно, как отравленные мухи.

Но мне повезло сбежать из адской духовки в тропический оазис. Всего неделю назад я устроилась работать в цветочный магазин. Я никогда не интересовалась ботаникой, флористикой, искусством упаковки и продаж, так что не сразу смогла вообразить себя в должности продавщицы в цветочном магазине... Но Ольга, владелица магазина, была приятельницей моей мачехи. Это раз. Потом, мне предложили неплохие деньги и расчет каждую неделю. Это два. Ну и три: я могла находиться среди буйной зелени с утра до вечера, и пусть там снаружи хоть градусники трескаются. Куда лучше, чем жарить картошку в «Макдональдсе»!

Мне сразу пришлось по душе все эти бутоны, сочные стебли, разноцветные рулоны упаковочной бумаги, все эти счастливые покупатели, предвкушающие праздник. Вот заскочил молодой парень и требует три порочно-красные розы. Наверно, он влюблен по уши... Интересно, они уже целовались или еще нет?

А вот две нарядные дамы почтенного возраста шепчутся в уголке. «Да-да, конечно, у нас есть камелии!» — подмигиваю я, как будто торгую камелиями с пеленок. Я бы ни за что не призналась, что всего три дня назад не смогла бы отличить камелию от пиона. Я представляю вечеринку почтенных дам, с букетами в плетеных корзинках, музыкой семидесятых и роскошным чаепитием. Будет миндальное печенье и черничное варенье в стеклянных вазочках! Ведь дамы в шляпках не пьют водку и не танцуют босиком на столах? «А вам какие камелии, белые или розовые? Конечно, вы правы, белые смотрятся куда утонченней...»

— Лика, что бы я без тебя делала? — шепчет мне Ольга, провожая взглядом довольных посетительниц.

Она мне льстит. Я уверена, что мне можно найти замену в два счета. На этой земле полно таких девушек, как я: не слишком уверенных в себе, но всегда готовых прийти на помощь (особенно когда нужно отличить камелию от розы). Девушек со средним ростом, средним весом и весьма усредненным размером ноги. С темно-каштановыми волосами и глазами цвета мокрого асфальта. Звучит не слишком романтично, зато в точку.

— Лика, можешь уйти сегодня пораньше! — прокричала мне Ольга из подсобки.

— Это еще почему? — спросила я.

— Потому что пятница!

Стыдно признаться, но у меня не было особенных планов даже на такое священное время, как пятничный вечер. У меня не было ухажера, и я без энтузиазма относилась к ночным клубам. Я собиралась провести остаток дня дома в компании книжки и тарелки печенья. Анна, моя мачеха, знает триста пятьдесят рецептов печенья. А я люблю его есть. Может быть, поэтому мы отличная команда.

— Ах да! Пятница! Я и забыла, — я театрально хлопнула себя по лбу. — Спасибо, Оль... У меня как раз грандиозные планы на сегодняшний вечер.

— Свидание? — промурлыкала Ольга. — Кто этот счастливчик? «Гарри Поттер».

Я решила дожидаться еще одного покупателя, а потом с чистой совестью сбежать домой. Звякнул колокольчик над дверью. Очередной посетитель, мальчишка лет десяти, вытащил из ведерка пышную хризантему, уверенно подошел к прилавку и сунул мне мятый полтинник.

— Девочке? — улыбнулась я.

— Нет, бабушке, — серьезно ответил он.

— Ей понравится, — заверила я его, заворачивая цветок в слой целлофана и едва сдерживаясь, чтоб не потрепать его по волосам.

— Даже не знаю. Она на кладбище вообще-то, — пожал плечами он. — Год как уже.

Я прикусила язык и протянула ему сдачу.

— Классный, — кивнул он, когда я наклонилась к нему через прилавок.

— Что, прости? — переспросила я.

— Классный кулон, — он указал на серебристого ангела с распростертыми крыльями, болтающегося на моей цепочке. — Талисман?

— Вроде того.

— И как, защищает?

— Еще как. Однажды я воткнула его в глаз плохому парню.

Мальчишка рассмеялся. Но его смех вдруг заглушила лавина пронзительного звона: где-то недалеко только что вдребезги разлетелась витрина. Сгорая от любопытства, он рванул к двери и высунул голову наружу, а когда повернулся ко мне снова, то был белым как мел и едва не охрип от испуга:

— ГОТОВЬТЕ СВОЙ ТАЛИСМАН!

И он тут же исчез за дверью, унося ноги от какой-то неведомой опасности. Едва дверь захлопнулась, тут же раздался еще один взрыв крошащегося стекла.

— Что там такое? — Ольга вышла из подсобки с ведерком ирисов.

Я подбежала к витрине и прижалась лбом к стеклу, пытаясь рассмотреть происходящее на улице, и в этот момент...

Два силуэта по ту сторону появились так внезапно, как умеют появляться только призраки. И убийцы. И если бы мне дали еще минуту, то я успела бы отступить, убежать, спрятаться, — но этой лишней минуты мне не дали. Чья-то рука подняла битую и обрушила ее на стекло...

* * *

Ольга закричала. Этот крик потом долго преследовал меня по ночам. Все остальное — как в тумане. Как будто меня окунули в таз с водой, и все звуки остались где-то далеко, над поверхностью.

Витрина просто взорвалась от мощного удара. Меня осыпало осколками стекла. Я свалилась на пол, проехавшись ладонями и коленками по стеклянной каше. Жаркое лето не оставило мне ни единого шанса: на мне не было никакой мало-мальски серьезной одежды, которая защитила бы тело от лавины осколков, — ни куртки, ни штанов, ни кроссовок, — только тонкий белый сарафан на бретельках и вьетнамки на хлипкой подошве.

Я попыталась встать, опираясь на локти и вытянув перед собой две окровавленные ладони. И вот тогда-то я услышала голос. Всего несколько слов, но они намертво врезались в мою память.

— *Крови много не бывает.*

Тот, кто их произнес, был молод, лет двадцать, не больше. Я не посмела заглянуть ему в лицо. Все, что запомнила, — черная одежда и ботинки с истертыми от ударов носками. Я все еще стояла на четвереньках, от ужаса не чувствуя, как осколки обжигают колени, когда этот огромный ботинок поддел меня под ребра, как какую-нибудь собаку, и отбросил к стене. Потом я узнала, что этот пинок стоил мне двух ребер.

Двое других были похожи на цепных псов, сорвавшихся с привязи: они прошлись по полкам битой — той самой, от которой разлетелась витрина, смели на пол охапки свежих цветов, облили все керосином из пластиковой бутылки и подожгли... На мое счастье, они очень спешили. Я боюсь думать о том, где я была бы сейчас, если бы у них было лишних хотя бы полчаса.

Я сидела на полу и таращилась на свое белое платье, на котором там и сям расцветали алые, как маки, пятна. «Я ранена. Это моя кровь. Такая алая... Кензо¹, ей-богу, удавился бы от зависти», — почему-то подумала я. У меня не получалось встать. Боль в боку мешала дышать. Я кое-как вытащила самые крупные куски стекла из ладоней и икр и, движимая тем самым инстинктом, который заставляет жука залезать в щель, а мышь в норку, — поползла к прилавку.

Ольга больше не кричала. Трещали и плавились жалюзи на окнах, полыхали букеты сухоцвета, пол был усеян зеленой кашей из раздавленных цветов. С улицы неслись визги, вой сирен, звон рассыпающихся витрин. Я сидела за прилавком, кашляя от дыма, но боялась выползти наружу. Боль, паника, стук крови в висках, разноцветные мухи перед глазами — все смешалось в один сплошной водоворот,

¹ Японский модельер.

в который меня затягивало, как слепого щенка. Последнее, что я запомнила перед тем, как отключиться, — желтовато-зеленое, словно отлитое из парафина, лицо Ольги, лежащей под прилавком в полуметре от меня.

* * *

Папа сидел возле моей койки и читал мне вслух газеты, старательно пропуская все новости о бесчинствах бритоголовых в торговом квартале. Больше всего досталось китайским лавкам, татарским закусочным и суши-бару на Булгакова, который, поговаривали, принадлежал какому-то корейцу и который сожгли дотла. Невобразимое происшествие для нашего тихого и спокойного Симферополя. Все подробности я узнала позже — когда сняли бинты и я смогла держать в руках газету. Родители обсуждать произошедшее в моем присутствии категорически отказывались.

После происшествия меня с мистическим постоянством начали преследовать обрывки одного и того же кошмара. Словно подсознание пыталось напомнить мне что-то, о чем я бессовестно забыла. Этот сон как будто записали на пленку и стабильно, раза два-три в неделю, крутили в моем «ночном кинозале». Начиналось все с того, что...

Я лежу в мокром красном платье под прилавком. Красный мне к лицу, бесспорно. Но это тот оттенок красного, с которым в реальной жизни лучшие дела не иметь. Мне кажется, что я умираю, ибо что-то поднимает меня в воздух. По сценарию это должен быть медленный восходящий поток, с потусторонним сиянием и голосами ангелов... Но нет. Меня поднимают с земли быстро, бесцеремонно, рывком. Я посылаю рукам и ногам сигналы, пытаюсь мычать «я живая, я еще тут», но сигналы теряются где-то на полпути, ноги и руки не работают, и все, на что способны голова и конечности, — предательски болтаться из стороны в сторону.

— Множественные ранения осколками, дышит, — говорит мой спаситель и кладет меня на носилки. Я открываю глаза и вижу Феликса.

Феликса! Во сне меня спасает Феликс, и я не перестаю удивляться невозможному сюжету этого сна. Феликс — мой сводный брат. Впрочем, «брат» — слишком большая честь для него. «Сын Анны, жены моего отца» — максимум, на что я согласна.

Мой отец и мать Феликса познакомились несколько лет назад, вскоре поженились и стали жить вместе. Мы все стали жить под одной крышей: папа, мачеха, я и Феликс. С Анной мы быстро нашли общий язык. Я таяла от ее утонченности и той непостижимой

ловкости, которая позволяла ей превращать моего вечно утомленного и раздражительного отца в сияющего, довольного жизнью здоровяка. А вот Феликс... Сказать, что Феликс мне не нравился, — не сказать ничего.

Феликс был на пять лет старше меня и, по мнению Альки и Иды, моих близких друзей, «весьма ничего». Темноволосый, высокий, сухой, внешне очень похожий на мать и... совершенно омерзительный тип. Если бы меня попросили найти слова, наиболее ярко характеризующие его, я бы не задумываясь сказала: «лжец», «пройдоха», «кровосос». И на подвиги, вроде поиска моего бездыханного тела в эпицентре вооруженного погрома, он однозначно не был способен.

Но сны — тот сорт материи, который кройке не подлежит, поэтому...

Феликс укладывает меня на носилки и смотрит на меня хмуро, заботливо, напряженно. У него краповый берет на голове и серо-голубой камуфляж. И... крылья. Невероятно, но у него за спиной — два сложенных гладких крыла!

— Феликс, — шепчу я, — да у тебя же крылья, Феликс! Прошу тебя, дай мне их! Я их верну. Не испорчу, не порву, я обещаю!

А Феликс молчит. Глаза темнее маслин, скулы окаменели, кожа белая как бумага.

— Лица, не нужно, — просит он.

Но я сползаю с носилок и повисаю на нем, вцепившись в плечо. На плече нашивка: пикирующий орел с выпущенными когтями.

— Феликс, мне нужны эти крылья больше всего на свете, понимаешь? — Мой голос срывается до хриплого шепота. — Я же стану сильной! Сильной, быстрой и неумолимой! Как бумеранг, как сокол, как ангел возмездия...

«Девчонка бредит», — где-то вспыхивает чужой голос и тут же меркнет.

«Кровопотеря... Перелом ребра... Сюда ее! Поехали! Эй, вторую тоже прихвати, рассечение на затылке, без сознания. Давайте булками шевелите, девчонка что-то мне совсем не нравится...» — голоса загораются и тут же угасают. Феликс молчит.

— У тебя есть минута-две, — наконец говорит он. — Потом крылья вернут тебя.

Как, уже?! Поворота головы мне достаточно, чтобы разглядеть развернутый веер перьев за правым плечом. Я приседаю и, словно подброшенная невидимой пружиной, — взвисяюсь ввысь. Крылья несут меня так быстро, что воздух начинает обтягивать тело, как полиэтилен. Голова вращается в плечи, слизистая глаз мгновенно пересыхает, я зажмуриваюсь и...

Просыпаюсь. Этот эпизод про Феликса снился мне чаще всего. Но был и другой.

Я сижу на узкой металлической скамье. Это полицейская машина: задняя ее часть, два на два, в которой перевозят задержанных. Передо мной металлическая решетка, отгораживающая сиденье водителя. Я никогда не была пассажиром подобных автомобилей, но обстановка не вызывает во мне ни удивления, ни страха. Я спокойна, я словно под завязку засыпана гравием и залита бетоном: биооболочка, а внутри — монолит. Меня не ломать.

Я не вижу своих рук, они за спиной. С браслетами на цепочке. Смотрю на свои колени, обтянутые черной синтетикой, и на... свои черные ботинки с истертыми от ударов носками.

Отчего-то мне становится радостно. «Крови много не бывает», — говорю я и двигаю задницу поближе к прутьям, обрамляющим сиденье водителя. «Крови много не...» — я упираюсь лбом в металлическую перекладину и...

Открываю глаза. Так заканчивался второй эпизод. С неизменным ощущением давящей на лоб железяки, от которого не удавалось избавиться еще долгое время после пробуждения.

А потом снилось еще что-то... Но я никак не могла вспомнить что.

* * *

— Как там Ольга?

— В порядке. Распродала то немногое, что уцелело, и закрыла магазин.

— Жаль... Анна, как меня нашли? — спросила я у мачехи, стараясь, чтоб голос не выделял предательских виражей.

— Прикатил «Беркут», — начала она. — Кого успели, переловили, потом... приехали кареты скорой... Слушай, твой отец будет зол, если узнает, что мы об этом говорили. Может, ну их, эти разговоры? Давай-ка поешь.

— Да нормально все. «Беркут», значит...

Я вспомнила вышитого орла на плече Феликса-из-сна и поежилась.

— Мне часто снится, что меня выносит из того магазина Фел... человек в форме «Беркута».

— Так и было. Может, это не сон, а воспоминание. Ты иногда приходила в сознание. Наверняка что-то слышала и видела, — Анна говорила медленно, словно слова застревали у нее в горле. — Слушай, я приготовила для тебя цыпленка! Если ты сейчас же его не съешь, мне придется везти его обратно по этой жаре, а дома

выбросить, смирившись с тем, что несчастная птица умерла зря и куст розмарина в нашем саду тоже отращивал ботву зря... Ну так что? Будешь есть?

— Буду! — выпалила я с деланной серьезностью, и мы обе рассмеялись. О чем я тут же пожалела, чувствуя вспышку боли в боку.

— Ты сказала, что кое-кого поймали? — Я поздно поняла, что снова гоню грозовую тучу в едва возникшую атмосферу непринужденности.

— Да, — буркнула Анна. Достала завернутый в салфетку нож и принялась пилить цыпленка.

— Он уже умер, — пошутила я и стала ждать ответную шутку. Но вдруг нож в руке Анны погрузился в жареное мясо по самую рукоятку и замер, она застыла на месте и выпалила:

— Не умер, он просто разбил голову. Поделом, Бог все видит.

— Что? — поперхнулась я.

Анна ошарашенно поджала губы.

— Ты имела в виду... цыпленка, да? — наконец криво усмехнулась она.

— Да! А ты кого имела в виду?

— Слушай... Твой отец меня...

— Анна, пожалуйста...

— Разделает на части, — закончила она.

«По-жа-луй-ста», — повторила я одними губами. И она сдалась, выкатывая слова медленно, как валуны.

— Один из задержанных. Разбил себе голову о металлическую перегородку в машине. Очень сильно.

— Как? Случайно?

— Нет. Случайно так удариться невозможно! Он бился головой об эту... железку, пока его не оттянули и что-то не вкололи. Там черепно-мозговая и кровавое месиво вместо лица. Ох, зачем я все это рассказываю, твой отец меня закопает...

У меня перехватило дыхание.

«Крови много не бывает», — говорю я и двигаю задницу поближе к решетке, обрамляющей сиденье водителя. «Крови много...» — Я упираюсь лбом в металлическую перекладину и...

— О...

И в эту секунду я вспомнила тот обрывок сна, который каждый раз ускользал от меня сразу же после пробуждения. Мои пальцы впились в матрас, комкая простыню.